

Евгений КОЛОБОВ:

Известия. — 2001. — 3 нояб. — с. 3

Беллини создавал радуги

Ровно 200 лет назад в Сицилии родился Винченцо Беллини, гений. И нет в мире культурного города, где не звучала бы его музыка. Кроме Москвы. Величайший из мелодистов, оставивший нам 11 невероятных по красоте опер, один из создателей стиля бельканто, Беллини почти не ставился в России. Из театров Москвы только Новая Опера сегодня отмечает юбилей концертом. Из его шедевров только «Пират» шел в Москве — усилиями выдающегося маэстро Евгения КОЛОБОВА. Накануне юбилея Беллини с дирижером встретился корреспондент «Известий» Валерий КИЧИН.

— Сейчас все гениальны. Как телевизор включишь — так гений. А Беллини — он неземной. И музыку писал божественную. Поэтому, наверное, Бог и забрал его в 34 года. У него и печаль светлая — как у Моцарта. Его хорошо назвали: сицилийский Орфей! Он не мог жить среди людей — они не понимали, что он делает. Его ангелы опустили на землю, он по ней побегал 34 года и сказал: basta, забирай меня наверх. И он не сочинял. Я вообще думаю, что великие композиторы не сочиняют — они записывают, у них все звучит вот здесь, в голове. Шум ветра, шелест травы — тоже музыка, и вот он сидит в лесу или у моря и это все пишет. Художник — в красках, композитор — в звуках.

— Рядом с ним сочиняли Россини, Доницетти — тоже люди от Бога.

— Как их построишь по рангу — они разные! Стравинский писал: «Беллини, заслуги кото-

рого не могли сравниться с бетховенскими, швырял пригоршнями изумительные мелодии совершенно бескорыстно, даже не думая хватать тем, что он их породил. Беллини достались в дар мелодии, как если бы небо сказало ему: я даю тебе именно то, в чем я отказало Бетховену».

— Почему у нас его не поют? Труден? Вот ведь писал специально для Джудитты Пасты!

— Да ведь все трудно! Для нас и «Онегин» труден — многие из тех, кто его поет, на это права не имеют. Нет солистов — вот и поем уголовно. Послушай «Моцарта и Сальери» в Большом! Они мысль Пушкина не несут — они ее докладывают. Вешают, как теледиктор. Поэтому и репертуар наших театров — из двух строчек. «Травиату» можно ставить как угодно — народ поперет. А поставили «Валли» Каталани — ползала. Хотя музыка — глубже Пуччини. У Доницетти 72 оперы —

Евгений Колобов

там есть оперы о декабристах и Петре Первом! Но никого это не интересует!

— Где же взять Джудитту Пасту?

— Знаешь, как я называю театр? ОПТУ: оперное профессионально-техническое училище. Приходят студентки, понятия не имеют о музыке — их учат издавать звуки. Даже «Онегина» не читали. Но поют. «Что поете?» — «А люблю петь!» То есть: я жрать люблю, курить, пить, петь. Для них это физиологический акт, а не творческий. В чем секрет музыки? Ноты — шифр. Что под нотами — никто не знает. Гений живет на интуиции. Внутри за-

Винченцо Беллини

звучало — он записал. Дождь и ветер — написал форте. Выглянуло солнце — пошла лирика.

— Как же тогда в этот шифр — ноты — проникать?

— Дирижирую — кажется, понимаю. Но это — мне кажется. Беллини — создал радугу. Он же в Сицилии родился, там облаков вообще не бывает. И вдруг облачко. И без него уже нет той красоты. Его музыку не объяснишь — она просто слезы на глаза наводит. Не трагические — светлые. Трагические — это в России: родителей Красное колесо переехало, и нас задело ошметками грязи. А тут — чистота. Целомудрие, простота. Услышал колебание

воздуха, дыхание ветра — и это все упаковал в мелодии.

— Мы говорим о божественном, о непознаваемом. Не мудрим?

— Россини вспоминал: сочинял он мелодию в соль мажор, а тут села муха и поставила кляксу — вышел соль минор. А наши докторскую диссертацию защитят, гадая, отчего там соль минор. Классики — нормальные люди, это мы из них делаем гербарий. Беллини мучается: блин, завтра премьера, а у меня увертюры еще нет! И всю ночь писал — представляешь, что потом играли, ужас! Но премьера состоялась — как писали газеты, с большим успехом.

— Вот ты сказал: рынок и искусство — вещи несовместные. А я тут же вспомнил, как появилась великая итальянская опера XIX века — ведь благодаря импресарию! Это им приходило в голову позвать Россини или Беллини и заказать им оперу к открытию сезона. Ты можешь вообразить Большой театр, который к сезону закажет оперу Кобекину? Есть спрос — есть предложение.

— А кто теперь будет заказывать музыку? Там же интеллигентные люди были! Я угроблю деньги на постановку, а зал будет пустой.

— Гейне запугивал Беллини, предсказывая ему раннюю смерть.

— Это смерть загадочная. Как и у Моцарта. Пушкин, когда писал эту историю, так сначала и назвал ее — «Зависть». Почему Сальери бесится: пьяный алкаш — и тот знает Моцарта. Это история вечная: Высоцкого весь народ поет — и это бесило. Ничего не изменилось. Только орудия убийства другие: письмишко с порошком послали — коньки отбросил! А суть та же. Люди не меняются. Потому и кажется, что в музыке все уже написано, больше сказать нечего.

Таким, как Беллини, завидовать не надо — они все равно другие. Они приносят в мир свою ауру. Беллини, Моцарт, Пушкин, Бунин... Ну зачем надо было делать такой фильм о Бунине — «Дневник его жены»? Сначала напишите что-нибудь равное его «Темным аллеям» — а потом уже залазайте в его постель. Наглый фильм, грязный. У меня остался осадок уголовщины, гадко стало на душе. Я думаю, Беллини потому и ушел рано — от такой вот грязи. Почему гений должен был биться с примадоннами, у которых если связки есть — то извилины нет! Голос шикарный — а дура душой, о чем с ней Беллини говорить? Вот эти, рано ушедшие, и решили: что я тут буду бродить среди тупарей! Так и наш Мусоргский: на сто лет времени опередил — и ушел.